

Р.А. Бадиков

«Призыв и война грозили решительно перечеркнуть мои занятия музыкой...»: к вопросу о службе Г.Х. Эйхе в период Первой мировой войны

В статье автор предпринимает попытку рассмотреть содержание служебной деятельности Генриха Христофоровича Эйхе, крупного большевистского военачальника периода Гражданской войны, на начальном этапе развития его военной карьеры в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Значительное внимание уделяется проблематике эволюции внутреннего мира военачальника в указанный период и влиянию на этот процесс социально-интеллектуальной среды, а также личностей ряда сослуживцев. На основании исследования, главным образом, архивных источников представлена картина трансформации политических взглядов обер-офицера Эйхе от аполитичных, по сути, к леворадикальным, большевистским.

Ключевые слова: Г.Х. Эйхе; Красная армия; интеллектуальная биография; Первая мировая война; офицерский корпус; большевики.

Дореволюционные и ранние постреволюционные эпизоды жизни множества выдающихся военных деятелей Советской России и Белого движения периода Гражданской войны на сегодняшний день характеризуются слабой изученностью, отличаются, по справедливому утверждению историков И.А. Ковригиной и А.В. Кострова, избытком белых пятен и «полуправдой» [7: с. 57]. В этом смысле не является исключением личность и судьба красного латыша, командарма Генриха Христофоровича Эйхе (1893–1968).

В годы противостояния Эйхе возглавлял полк, группу войск, бригаду, дивизию. На исходе 1919 года он принял от М.Н. Тухачевского руководство 5-й армией. Ряд исследователей войны, в том числе Л.М. Спириной и С.Н. Шишкин, сходились во мнении, что именно «под его командованием 5-я армия зимой 1919–1920 гг. окончательно разгромила... войска Колчака...» (ГАРФ. Ф. Р-9147. Оп. 1. Д. 49. Л. 1). Пик военной карьеры Эйхе пришелся на 1920–1921 годы, когда он состоял главнокомандующим вооруженными силами Дальневосточной республики. После ухода из армии в 1922 году Эйхе не утратил связи с боевым прошлым и до последних дней плодотворно занимался изучением истории Гражданской войны.

Как правило, внимание немногих исследователей биографии Эйхе акцентировалось на рассмотрении деталей его командной работы в РККА в 1918–

1922 годы. Подобный подход естественен. Однако мы вправе обратить внимание на следующий немаловажный факт: основания деятельности и в какой-то мере потенциальной успешности Эйхе в ранге представителя корпуса красных командиров в военном и политическом смысле были заложены задолго до его непосредственного вступления в РККА в марте 1918 года. Ключевое значение здесь принадлежит «великим потрясениям» начала XX века — Первой мировой войне, которая сместила жизненные приоритеты Эйхе в пользу военной службы, и революционным событиями 1917 года, предопределившим вхождение офицера-фронтовика Эйхе, ставшего сторонником РСДРП (б), в ряды нарождающейся военной элиты Советской России, открыв ему в конечном счете доступ к высшим должностям в системе РККА.

Говоря о системе жизненных приоритетов и интересов юного Эйхе в годы, непосредственно предшествовавшие мировой войне, следует принимать во внимание совершенное отсутствие их связи с военным делом. Накануне переломного 1914 года будущий командарм, по сути, представлял тип молодого интеллектуала, находившего интерес скорее в изящных искусствах и торговой деятельности.

В январе 1912 года способный юноша, только что окончивший курс Рижской городской торговой школы, принимается на работу в известное пароходное общество Helmsing & Grimm, базировавшееся в порту Риги (РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 82). Между тем главное внеслужебное увлечение Эйхе лежало в музыкальном творчестве. Юный латыш хорошо играл на мандолине, фортепиано и гитаре. Увлечение музыкой захватило Эйхе настолько, что накануне мировой войны он предпринял попытку перенести его в профессиональную плоскость. Ведомый стремлением «постичь душу музыки», Генрих в 1913 году приезжает в Берлин, где поступает на заочный факультет Берлинской консерватории по классу композиции (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись). Л. 2).

Разразившаяся в июле 1914 года мировая война подвела черту под творческими планами Эйхе. Логика нараставшего противостояния вынудила его прервать обучение в консерватории на втором курсе, что явилось глубокой личной трагедией Генриха. «В двадцать один год, — вспоминал он позднее, — уже начинаешь кое-что понимать в жизни, и меня больше всего беспокоило то, что война надолго оторвет меня от моих любимых занятий и юношеских увлечений. <...> Призыв и война грозили решительно перечеркнуть мои занятия музыкой...» (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись). Л. 1–2). Пессимистичные ожидания Генриха, как показало время, обрели качество действительности.

Потеря статуса студента зарубежного вуза привела к тому, что в ходе призыва в Русскую армию 17 октября 1914 года Эйхе, интеллигент и интеллектуал, был определен к службе лишь в качестве обыкновенного нижнего чина (РГВА. Ф. 37976. П/с № 263-911. Л. 2). Подобное положение вещей,

отметим, было бы невозможно в случае его принадлежности к воспитанникам высших учебных заведений. Так, при условии сохранения за собой места в консерватории (заведении I разряда) Эйхе подлежал отправке в военное училище для подготовки в качестве офицера [13] по программе 4-месячного курса [11: с. 1865]. Однако правом на эту привилегию Генрих к этому времени не обладал, что подтверждается материалами его первого послужного списка. Из текста документа следует, что при осуществлении призывных мероприятий Эйхе по уровню образования был отнесен ко II разряду (среднее образование). Основанием для этого служил представленный им аттестат Рижской торговой школы за № 303 (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184844. Л. 174). Таким образом, формально низкий образовательный ценз Генриха, бесспорно, не отображавший реального уровня образованности, явился ключевой причиной, обусловившей его невысокое первичное положение в Русской армии.

После ряда призывных мероприятий Эйхе был направлен в ноябре 1914 года в Саратов. Здесь в 91-м запасном пехотном батальоне Казанского военного округа он проходил обучение военному делу и принял присягу (1 февраля 1915 года)¹.

С начала войны Саратов был средоточием массы формирований, по преимуществу запасных подразделений. Уже к осени 1915 года их численность составила 40 тыс. человек. Факты недисциплинированности и нарушений правопорядка составили дурную славу военнотружущим саратовского гарнизона (ГАСО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1835. Л. 22, 26, 36–38, 44–45, 51–51 об.). Проблемы с дисциплиной имели место и в 91-м запасном батальоне, где Эйхе пребывал первые месяцы службы. В этом смысле исходное впечатление латыша-интеллектуала от Русской армии вряд ли осталось положительным. Несмотря на упомянутые факты дисциплинарных нарушений, стоит подчеркнуть, что процесс обучения солдат в батальоне находился на должном уровне. Об этом свидетельствуют материалы осмотра батальона в августе 1915 г. генералом Ф.К. Язвиным [10: с. 1081–1082].

Вектор развития служебной деятельности Эйхе претерпел крупные изменения весной 1915 года. 19 мая он был откомандирован (через 90-й и 3-й запасные батальоны) в распоряжение Петроградского военного округа для прохождения курса 3-й Петергофской школы прапорщиков.

Период обучения Эйхе в школе прапорщиков берет свое начало 28 мая 1915 года, когда он прибыл в ее расположение и был зачислен в списки учащихся (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184844. Л. 174 об.). Последовавшие за этим три месяца можно с уверенностью назвать поворотной вехой в жизни Генриха. Именно на петергофском этапе его личность претерпевает глубокую деформацию, процесс отказа от ориентиров мирной жизни, благодаря которому становится возможной выработка у него готовности к принятию роли войскового командира.

¹ Стоит отметить, что некоторые авторы ошибочно связывают начальный этап службы Эйхе с пребыванием в «...186-м Асландузском запасном полку в Саратове» (см.: [16: с. 292]).

В период войны 3-я Петергофская школа прапорщиков была известна как одна из лучших в Русской армии. По состоянию на 1915 год реальное число учебных часов (624 часа на 12 недель), выделяемых на подготовку будущих офицеров, выводило ее в лидеры среди заведений подобного профиля. Большое внимание уделялось физическому и культурному совершенствованию воспитанников. По свидетельству лидера партии кадетов П.Н. Милюкова, в школе отсутствовали наказания, функционировали кружки, «...симфонический оркестр, великорусский и духовой оркестры и хор»; в распоряжении учащихся находились гимнастический городок, школы плавания («...имеется флотилия и введен курс гребного и парусного плавания...») и верховой езды (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2135. Л. 1 об.–2). Состояние школы в 1915 году высоко оценил и известный военный педагог начала XX века генерал Б.В. Адамович, посетивший ее с инспекцией [4: с. 11–12].

Залогом качественной реализации заведением учебной программы явилось присутствие в штате значительного числа состоявшихся офицеров с боевым прошлым. Среди них выделялся начальник школы полковник барон В.К. Де Пеленберг, участник Англо-бурской, Русско-японской, Балканских, Первой мировой войн. Достойной личностью был курсовой офицер капитан Боб, под руководством которого Эйхе проходил обучение. Ветеран Русско-японской войны, он долгое время состоял преподавателем в кадетском корпусе и отличался, по утверждению историка Е.П. Тарасова, умением «...доходчиво и... на конкретных примерах раскрыть положения уставов или наставлений» [14: с. 10].

В числе воспитанников 3-й Петергофской школы Эйхе состоял на протяжении 80 дней, чуть меньше номинального 3-месячного срока, отведенного на подготовку прапорщиков пехоты. Непосредственное утверждение в офицерском чине, столь знаменательное для Эйхе, состоялось 15 августа 1915 года, в соответствии с приказом 6-й армии Петроградского военного округа № 328 (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184844. Л. 174–174 об.; РГВА. Ф. 37976. П/с № 263-911. Л. 1 об.–2).

Нельзя не упомянуть о том, что в 1915 году изменился также семейный статус Эйхе. После окончания школы он сочетался браком с 21-летней Марией Александровной Ивановой. Она родилась 8 января 1894 года, происходила из многодетной семьи городских обывателей, окончила Уфимское приходское училище и накануне войны проживала с семьей в Уфе (ГАРФ. Ф. А-150. Оп. 1. Д. 1024. Л. 2, 4). Факт женитьбы позволяет судить об оптимистичном настроении Эйхе перед отправкой на фронт, наличии определенных планов на мирное будущее.

Пережить испытание войной Эйхе предстояло на западной окраине империи, в Гродненской губернии. Здесь с конца августа 1915 года он занял пост субалтерн-офицера одной из рот 245-го Бердянского пехотного полка 62-й пехотной дивизии². В его рядах Эйхе оставался до ноября 1917 года.

² 38-й армейский корпус 10-й армии, Западный фронт.

Развитие командной карьеры Эйхе в годы войны характеризуется в основном привязкой к одной части, но наряду с этим отличается высокой динамикой служебных перемещений. Командир бердянцев, полковник А.С. Воробьев стремился лично направлять вектор службы каждого из подчиненных офицеров, регулярно перемещая их на различные должности в границах штатного расписания. Ряду перемещений был подвергнут и прибывший прапорщик Эйхе. В результате Воробьев констатировал целесообразность его использования на разведывательной работе, задав тем самым вектор фронтовой карьеры молодого латыша.

Практика кадровых перемещений Воробьева по меркам современной теории управления является передовой. Но в офицерском корпусе образца 1914–1917 годов она вряд ли могла встретить понимание. Отрицательное отношение к фактическому «творцу» своей офицерской карьеры демонстрирует в воспоминаниях и Эйхе. В его интерпретации Воробьев предстает «совсем уж дряхлым» (хотя в августе 1915 года ему было только 54 года), «со странностями» командиром полка, который «...отводил себе душу тем, что бесконечно «тасовал»... всех подчиненных ему 70–80 офицеров, стремясь... оставить в полку о себе память понеприятнее...» (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись). Л. 27, 45). Подобная оценка видится предвзятой. Инициированные Воробьевым перемещения и командировки Эйхе однозначно пошли ему же во благо. Благодаря «школе» Воробьева Эйхе овладел навыками разведывательного, кавалерийского, стрелково-артиллерийского дела и противовоздушной обороны, и вырос во всесторонне подготовленного офицера. Строго говоря, именно Воробьеву принадлежит честь формирования Генриха как военного специалиста широкого профиля.

Связь карьеры Эйхе со службой разведки, к которой он был определен решением Воробьева в октябре 1915 года, была продолжительной. На работу Генриха в этой сфере приходится 14 месяцев, чуть менее половины общего времени его службы в действующей армии (32 месяца) в мировую войну. Соответствующие специфические навыки он развил, изначально занимая самостоятельные должности сначала начальника полковых команд пеших разведчиков (октябрь 1915 года – январь 1916 года), а затем — конных разведчиков (январь – июнь 1916 года, ноябрь 1916 года – март 1917 года). Последняя создавалась под непосредственным руководством Эйхе. Отобрав наиболее находчивых солдат, Генрих был командирован с ними 5 марта 1916 года в Тамбов для обучения конно-разведывательной службе на базе 7-го запасного кавалерийского полка (РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 29). Несмотря на завоевание положения лидера в сформированной команде, Эйхе по возвращении в полк был почти сразу же переведен на должность ротного командира с производством в мае 1916 года в чин подпоручика (со старшинством с 6 января 1916 года).

Опыт службы Генриха в армейской пехоте был сравнительно коротким, ограничившись в 1916 году пятью месяцами руководства стрелковой ротой

(июнь – сентябрь, ноябрь) и одним месяцем (октябрь) пребывания временно исполняющим должность командира 1-го батальона (четыре роты) 245-го Бердянского полка (РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 2). Но на этот период с психологической точки зрения пришлось наиболее тяжелые для юного офицера бои. Речь идет о ряде столкновений 10-й армии с германскими войсками в районе местечка Крево Виленской губернии и города Сморгонь Гродненской губернии. Именно здесь он впервые увидел разрушительные последствия действия химического оружия. Лично участвовать в отражении газовой атаки молодому офицеру довелось в январе 1917 года (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись). Л. 32).

Последние месяцы существования Русской армии Эйхе занимал привычный пост начальника полковой команды конных разведчиков (с ноября 1916 года). Деятельность в рамках сплоченного коллектива позволила ему в предреволюционное время сблизиться с солдатской массой, понять психологию нижних чинов, среди которых Эйхе, по утверждению историка И.Е. Молокова, прославился «...чутким, внимательным отношением...» [8: с. 100]. Достойной репутацией пользовался Генрих и в офицерской среде. Подтверждением этого служит наделение его в том же ноябре 1916 года правами члена полкового суда чести по совместительству с основной должностью (РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 2 об.).

Определение поведенческой модели Эйхе после крушения царского режима представляет сложность. В советское время в силу особенностей конъюнктурного характера возобладало мнение, что с первых дней революции Эйхе «без колебаний» принял лозунги большевиков и начал агитировать в пользу РСДРП (б) (см.: [НГКМ. Ед. хр. № НВ-14924/127. Л. 1; 5: с. 153; 8: с. 100]). И поныне в отдельных изданиях его именуют не иначе как «революционером» (см.: [6: с. 308]). Данный тезис не соответствовал действительности. Рефлексируя в 1960-е годы по поводу собственного состояния в указанное время и настроений, царивших в армии, Эйхе указывал, что «февраль, март и почти весь апрель мы так и прожили в неопределенности... царь ушел, но весь... армейский аппарат остался» (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись). Л. 45–46).

На протяжении первых месяцев 1917 года Эйхе, как представляется, придерживался критических, умеренно демократических, но неопределенных в политическом смысле (аполитичных, по сути) взглядов. В этой связи выдвинутый нами ранее тезис о проведении им большевистской агитации нужно признать ошибочным [1: с. 47]. Более того, имеющиеся ныне в нашем распоряжении сведения позволяют заключить, что в период существования Временного правительства Эйхе считался «благонадежным» офицером. Он не был отчислен в резерв, не подвергался взысканиям или надзору, но стремительно продвигался. Уже в марте 1917 года Генрих был произведен в поручики (со старшинством с октября 1916 года), а в октябре, накануне падения

правительства А.Ф. Керенского, — в чин штабс-капитана (со старшинством с мая 1917 года)³. С этой точки зрения вполне объяснимым видится избрание лояльного офицерской среде, но умевшего находить общий язык с солдатами поручика Эйхе в марте 1917 года товарищем председателя полкового комитета 245-го Бердянского полка (РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 2 об.).

Будучи в марте – октябре 1917 года товарищем председателя полкового комитета, Эйхе проявил себя энергичным, добросовестным и тактичным офицером. Нередко ему доводилось разрешать масштабные конфликты внутри полка, на которые не мог повлиять председатель комитета, эсер Пионтковский, бывший рабочий из Петрограда. Это представляется тем более удивительным, что данный пост Эйхе совмещал с руководством комиссией по вопросам продовольственного и вещевого снабжения полка, взявшей на себя управление сферой, традиционно вызывавшей наибольшие нарекания солдат (РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 29).

Говоря о линии поведения Эйхе в период между февралем 1917 года и Октябрьским переворотом, следует подчеркнуть, что в основе ее оставались императивы сохранения боеспособности полка. В этом плане он действовал сообразно с установками Временного правительства. В своих воспоминаниях Эйхе, как это ни удивительно, писал о недопустимости работы в такое время «...каких-то провокаторов, заинтересованных вызвать в полку беспорядки...», а также подчеркивал, что «...рядом был внешний враг... который... постарается воспользоваться наступившими неурядицами, если в армии начнется внутренняя борьба» (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись). Л. 47, 80).

Тем не менее незадолго до прихода к власти большевиков в мировосприятии Эйхе, как нам видится, происходит поворот к леворадикальным, большевистским идеям. Решающее значение здесь имели события июня – августа 1917 года, связанные с неудачным летним наступлением, в котором Эйхе участвовал как офицер 10-й армии, а также с мятежом генерала Л.Г. Корнилова. Внешние раскол в среде офицерства, эти события оказали «революционизирующее» воздействие на Эйхе и явились фоном для эволюции его взглядов: от умеренно демократических к леворадикальным. Здесь мы согласимся с А.А. Буравченковым, относившим Эйхе накануне октября к ряду «революционно настроенных» офицеров [2: с. 105–106]. Вместе с тем летом и осенью 1917 года Эйхе скрывал свои симпатии к большевикам, так как в комитете полка и вышестоящих комитетах были сильны позиции эсеров и меньшевиков. Еще в июле 1917 года представители комитетов 38-го армейского корпуса, в числе которых были делегаты 245-го полка, на ряде съездов подчеркивали важность борьбы с «анархо-большевистскими» устремлениями

³ Следует отметить, что к октябрю 1917 г. Эйхе был удостоен стандартного комплекта орденов, на которые он мог претендовать по чину: орденов Св. Анны II ст. с мечами, III ст. с мечами и бантом, IV ст., Св. Станислава II ст. с мечами, III ст. с мечами и бантом (РГВА. Ф. 37976. П/с № 263-911. Л. 1 об.).

(ГАРФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 583. Л. 69–70). Откровенно антибольшевистской была позиция командира корпуса генерала И.Р. Довбор-Мусницкого [3: с. 211]. В силу этих обстоятельств большевистские убеждения Эйхе вплоть до октября носили скорее латентный характер и почти не отражались на характере его работы в комитете.

Уместно заметить, что катализатором процесса «большевизации» выступила сама среда, окружавшая Эйхе в последние дни власти Временного правительства. Антивоенный настрой его сослуживцев, солдат 62-й пехотной дивизии, достигает в это время наивысшей степени. В резолюции, направленной ими 8 октября 1917 года в адрес ВЦИК прямо указывалось: «...не пора ли нам окончить эту проклятую кровопролитную бойню. Довольно губить нам своих товарищей и проливать кровь... <...> Если вы не обратите на это внимание... мы тогда оборачиваем свои пушки, пулеметы и штыки...» (ГАРФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 539. Л. 172). Неизменно находясь в общении с чинами Бердянского полка и 62-й пехотной дивизии, штабс-капитан Эйхе разделил с ними стихийные надежды на заключение мира, которые на тот момент солдаты ассоциировали с волей РСДРП (б). Именно поэтому революционный подъем октября 1917 года был встречен Эйхе с энтузиазмом.

Реализовывать курс РСДРП (б) на первых порах после переворота коллектив Бердянского полка доверил штабс-капитану Эйхе. Как наиболее демократически настроенный офицер, он был утвержден в должности председателя полкового Военно-революционного комитета (ВРК). Данный пост Эйхе занял путем открытого голосования солдат уже 29 октября 1917 года при одновременном его делегировании в ВРК 62-й пехотной дивизии (РГВА. Ф. 37976. П/с № 263-911. Л. 2 об.).

Октябрьский переворот, ликвидировавший традиционную систему чинопроизводства и продвижения, в случае с Эйхе обладал ценностью экстраординарного «социального лифта». Не задерживаясь в системе комитетов дивизии, он почти сразу же переходит на работу в армейский ВРК — руководящий центр 10-й армии. Принявший «руководство всей политической, активно-боевой и хозяйственной частью 10-й армии...» (цит. по: [9: с. 106]), ВРК был образован в ходе состоявшегося в Молодечно 7–10 ноября 1917 года III армейского съезда. Путем голосования 600 делегатов подразделений армии в его состав наряду с революционерами В.И. Яркиным, Ф.К. Эйзенармом, А.М. Хановым и др. был избран штабс-капитан Эйхе. В коллективе ВРК он стал единственным офицером.

Природа деятельности Эйхе в бытность членом ВРК 10-й армии (с 5 января 1918 года — Президиум армейского Совета депутатов) отличалась от иных этапов его службы в 1914–1922 годах, прежде всего, фактическим отсутствием его вовлеченности в боевую работу.

Несмотря на то что из коллектива армейского ВРК/Президиума один Эйхе обладал практикой организации планирования и применения армейских сил, сфера приложения его усилий изначально исчерпывалась политической работой. Так,

в период выборов в Учредительное собрание в конце 1917 года Эйхе руководил работой одного из избирательных участков 10-й армии (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись). Л. 104). После этого Генрих назначается руководителем редакционной комиссии «Бюллетеня армейского Совета депутатов 10-й армии». Данный побочный пост он занимал вплоть до ликвидации Совета в феврале 1918 года. Наконец, в период между 10 и 14 декабря 1917 года Эйхе был удостоен чести войти в руководящий партийный центр 10-й армии — бюро фракции РСДРП (б) при армейском комитете [3: с. 468]. Хотя Эйхе занял здесь скромную должность секретаря, важно отметить, что положение, которое он обрел, было весьма значительным. В конце декабря 1917 года решением партийной конференции 10-й армии бывший офицер был принят в члены РСДРП (б).

Говоря об организационном компоненте работы Эйхе в ВРК/Президиуме, следует учитывать, что на рубеже 1917–1918 годов 10-я армия представляла сложно управляемую массу, склонную к дезертирству и с трудом подчинявшуюся указаниям выборных командиров и комитетов (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 437. Л. 47). Один из симптомов разложения армии — самовольный уход частей из боевой линии в тыл, что имело место, например, в конце ноября 1917 года со 132-й пехотной дивизией. В данном случае актив ВРК, включая Эйхе и Яркина, предпринимал попытки убедить солдат дивизии не открывать фронт армии на важнейшем сморгонском направлении и дожидаться смены 51-й пехотной дивизией. Тем не менее усилия высшего органа 10-й армии, состоявшего почти полностью из большевиков, как видно из рапорта командующего армией С.М. Шейдемана от 29 ноября 1917 года, остались тщетными (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 432. Л. 7–7 об.). В сложившихся условиях военно-организационная функция ВРК/Президиума и подчиненной ему Военной комиссии, в которую с января 1918 года вошел Эйхе, строго говоря, сводилась к реализации только демобилизационных и ликвидационных мероприятий в пораженных разложением соединениях армии. Один из товарищей Эйхе по Президиуму, Эйзенарм, в этой связи откровенно указывал в начале февраля 1918 года, что «многие наши комиссары (члены Совета. — Р. Б.) совсем утратили свои функции, как например, военная, оперативно-боевая, их работа почти целиком перешла в бюро по демобилизации» (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 9. Д. 2. Л. 21).

Более созидательный характер работа Эйхе приобрела после обнародования Декрета о создании РККА. Введенный в январе 1918 года в состав Коллегии по формированию красноармейских частей при армейском Совете депутатов 10-й армии (с 10 февраля — полевой штаб армии), Эйхе проявил себя в роли военного организатора (РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 2 об.). При его участии был создан ряд большевистских формирований из числа добровольцев 10-й армии. С этими отрядами связан и единственный эпизод боевой работы Генриха в бытность членом ВРК/Президиума армии. Речь идет о его участии в ряде столкновений с силами Польского корпуса у Молодечно (мятеж генерала Довбор-Мусницкого).

Характеризуя в целом работу Эйхе в составе ВРК/Президиума армсовета 10-й армии в ноябре 1917 года – феврале 1918 года, следует констатировать: несмотря на проявленные им энергичность и деловую хватку, действия его в данном органе отличались слабым пониманием механизма принятия управленческих решений на армейском уровне и дилетантизмом в вопросах военного управления. По своему жизненному и служебному опыту Генрих еще не был готов к подобной работе. Несостоятельность в этом смысле продемонстрировали, по сути, все члены Президиума, лишь волею случая поставленные во главе тысяч военнослужащих. Так, в период наступления германских сил в феврале 1918 года, когда 10-я армия в панике отходила на Минск, Президиум не нашел иного пути как самоустраниться от управления армией. Не организовав сопротивления даже имевшимся большевистскими отрядами, которые должны были «...служить как материальная опора советской власти...» (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 437. Л. 14), комитетчики, включая Эйхе, сочли возможным эвакуироваться в Минск. Последующее решение членов Президиума было еще более неприглядным. «Ввиду упорных слухов, — вспоминал Эйхе, — что впереди железную дорогу контролируют враждебные Советам войска, решено было наш армейский ВРК (Президиум. — Р. Б.) распустить (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись). Л. 103–104). Участь брошенных на произвол судьбы сил 10-й армии оказалась трагичной.

Оставшись в результате указанных выше событий не у дел, без должности, Эйхе под видом рядового добирается к исходу февраля 1918 года до Смоленска, где на тот момент находилось управление Западного фронта. После недельного пребывания здесь бывший комитетчик добивается предоставления ему отпуска с правом отъезда в Москву, где жили после эвакуации из Риги его родители Христоф и Лина Эйхе, а также супруга Мария Александровна и дочь Нелли. На этом многолетняя служба Эйхе в 10-й армии и вместе с тем его участие в мировой войне подошли к концу. Дальнейший путь будущего командарма вновь приведет его в Смоленск в марте 1918 года. Здесь он получит свое первое назначение на пост командира полка в рядах формируемой РККА и начнет службу, по сути, с чистого листа.

Литература

1. Бадиков Р.А. Генрих Христофорович Эйхе // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 45–59.
2. Буравченков А.А. В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев: Выща школа, 1988. 141 с.
3. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г.: сб. док. / сост. В.Н. Базанов и др. М.: Наука, 1982. 608 с.
4. Выдержки из донесений Военному министру генерал-майора Адамовича об осмотре школ подготовки прапорщиков пехоты. Казань: Умидь, 1917. 95 с.
5. Дашков С.Е. О командарме Пятой // Сибирские огни. 1974. № 2. С. 151–158.

6. *Звягин С.П.* В.Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века. Томск: Изд-во Томск. политехн. ун-та, 2012. 342 с.

7. *Ковригина И.А., Костров А.В.* П.Н. Врангель в Иркутске (1902–1906 гг.): «документальные жизнеописания» и архивные документы // Новый исторический вестник. 2012. № 2. С. 57–65.

8. *Молоков И.Е.* Г.Х. Эйхе (1893–1968) // Герои огненных лет: очерки. Омск: Омск. кн. изд-во, 1989. С. 99–108.

9. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: сб. док. / под ред. Л.С. Гапоненко. М.: Наука, 1973. 455 с.

10. Приказ Казанскому военному округу № 991 от 18 сентября 1915 г. // Приказы Казанскому военному округу. 1915 г. Казань: [Б.и.], 1915. С. 1081–1097.

11. Приказ по Военному ведомству № 689 от 20 октября 1914 г. // Приказы по Военному ведомству. 1914 г. Пг.: [Б.и.], 1914. С. 1864–1868.

12. Разгром Колчака: сб. воспоминаний / сост. Л.М. Спирин. М.: Воениздат, 1969. 295 с.

13. Русский инвалид. 1914. 7 ноября.

14. *Тарасов Е.П.* Краском Генрих Эйхе. М.: Воениздат, 1975. 151 с.

Literatura

1. *Badikov R.A.* Genrix Xristoforovich E'jxe // Voprosy' istorii. 2015. № 1. S. 45–59.

2. *Buravchenkov A.A.* V nogu s revolyuciej. Demokraticheskoe oficerstvo v Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii. Kiev: Vy'shha shkola, 1988. 141 s.

3. Vojskovy'e komitety' dejstvuyushhej armii. Mart 1917 g. – mart 1918 g.: sb. dok. / sost. V.N. Bazanov i dr. M.: Nauka, 1982. 608 s.

4. Vy'derzhki iz donesenij Voennomu ministru general-majora Adamovicha ob osmotre shkol podgotovki praporshhikov pexoty'. Kazan': Umid", 1917. 95 s.

5. *Dashkov S.E.* O komandarme Pyatoj // Sibirskie ogni. 1974. № 2. S. 151–158.

6. *Zvyagin S.P.* V.N. Pepelyaev: sud'ba liberala iz Sibiri v nachale XX veka. Tomsk: Izd-vo Tomsk. politexn. un-ta, 2012. 342 s.

7. *Kovrigina I.A., Kostrov A.V.* P.N. Vrangel' v Irkutske (1902–1906 gg.): «dokumental'ny'e zhizneopisaniya» i arxivny'e dokumenty' // Novy'j istoricheskij vestnik. 2012. № 2. S. 57–65.

8. *Molokov I.E.* G.X. E'jxe (1893–1968) // Geroi ognenny'x let: ocherki. Omsk: Omsk. kn. izd-vo, 1989. S. 99–108.

9. Oktyabr'skaya revolyuciya i armiya. 25 oktyabrya 1917 g. – mart 1918 g.: sb. dok. / pod red. L.S. Gaponenko. M.: Nauka, 1973. 455 s.

10. Prikaz Kazanskomu voennomu okrugu № 991 ot 18 sentyabrya 1915 g. // Prikazy' Kazanskomu voennomu okrugu. 1915 g. Kazan': [B.i.], 1915. S. 1081–1097.

11. Prikaz po Voennomu vedomstvu № 689 ot 20 oktyabrya 1914 g. // Prikazy' po Voennomu vedomstvu. 1914 g. Pg.: [B.i.], 1914. S. 1864–1868.

12. Razgrom Kolchaka: sb. vospominanij / sost. L.M. Spirin. M.: Voenizdat, 1969. 295 s.

13. Russkij invalid. 1914. 7 noyabrya.

14. *Tarasov E.P.* Kraskom Genrix E'jxe. M.: Voenizdat, 1975. 151 s.

R.A. Badikov

**«Call-up and War Threatened to Decisively Put an End to My Music Lessons...»:
to the Problem of H.Kh. Eiche's Duty during the First World War**

In the article the author attempts to consider the content of Heinrich Khristoforovich Eiche's duties, who was a leading Bolshevist commander of the Civil War period, at the initial stage of his military career during the First World War (1914–1918). Considerable attention is paid to problems of the evolution of the inner world of a military commander during the mentioned period as well as influence of social intellectual environment on this evolution process as well as the influence of number of comrades-in-arms personalities. Mainly based on the study of archive sources, the author shows a transformation of political opinions of a senior officer Eiche from apolitical, in fact, to left-wing radical, Bolshevist.

Keywords: H.Kh. Eiche; Red Army; intellectual biography; World War I; officer corps; Bolsheviks.